

МУЗЫКА В МОЕЙ ЖИЗНИ.

МАБу посвящается

Самые тяжёлые и горестные воспоминания детства связаны у меня с самым прекрасным искусством, точнее, с «прикладными» его ответвлениями – пением и танцами. Музыкальным в семье был старший брат, но голоса не было и у него. Зато он умел петь, не фальшивя. Он учился в музыкальной школе по классу аккордеона и, поскольку я лет с трёх пыталась во всём ему подражать, то, примерно, в пять лет запросилась туда же. Нужно было сдавать вступительный экзамен: отбить заданный ритм, назвать показываемые музыкальные инструменты и спеть (о, ужас: спеть!). Инструменты я знала, отбивать ритм Бориска меня научил, но что касается вокала... Тестирование проводили родители: была выбрана «Катюша», меня водрузили на табурет и приказали петь громко. И я запела. И едва не свалилась: во-первых, от напряжения, а во-вторых, от борькиной физиономии. Борька любил музыку, ему было жаль изувеченной песни, но он хотел, чтобы я училась в музыкальной школе, хотя не желал моего публичного позора; сложные чувства нарисовались на его мартышечьей рожице, а я, на беду, смешлива...

– Начни сначала, – сказала мама.

– И, Танечка, голосок сделай немного потолще, – посоветовал папа.

– Да, пониже надо, – согласился Борька.

Я присела как можно ниже и стала петь «толстым» голосом.

Теперь первым не выдержал папа: «Нет, в тот раз было лучше». Борька не посмел возразить, но мимически выразил, что – нет, не лучше.

Мама посмотрела на меня счастливыми глазами и сказала: «Пой как я: ра-а-асцвета-али...» Папа быстро-быстро вышел из комнаты, а Борька сказал маме: «Ну, теперь всё понятно. Она же вся в тебя...» Пока папа воспитывал непочтительного сына и утешал маму, мне расхотелось поступать в музыкальную школу. Но родителей обуял азарт. И я снова и снова тянула первый куплет «Катюши» то «толстым», то «тонким» голосом, стараясь петь то «как мама», то «как папа» (за комментарий к папиным вариациям Борьке снова обломилось, а я получила небольшую передышку).

...Борька почти не умел обращаться с родителями, он был излишне прямолинеен, а я, используя собственные наработки, всего за два дня сумела их убедить, что можно обойтись без классического образования, что я быстренько выучусь музыке самостоятельно и годика через два-три сдам экстерном уже выпускные экзамены, так будет ещё лучше и удивительнее...

Пианино родители всё же купили. Года через полтора.

Но играть на нём в тот период мне не пришлось – резко стало портиться зрение, и меня, примерно, в середине второго класса отправили жить в Москву, к маминой сестре, пока сияние сибирских снегов не ослепило окончательно. И, живя единственным и любимым ребёнком в бездетной тёткиной семье, я испытала второе трагическое переживание, тоже пришедшее ко мне в музыкальном сопровождении. Догонять в учёбе, практически, не пришлось. Одноклассников мгновенно рассортировала на друзей-врагов-безразличных, вписалась в драмкружок и блеснула в роли Глупого Маленького Мышонка в одноименной сказке.

Но! Московских детей, оказалось, эстетически развивали, они с первого класса изучали незнакомый мне предмет – ритмику. Ко времени моего появления в школе они уже знали основные балетные позиции, освоили фигуры старинных танцев (для чего их учили старинным танцам?), и не стеснялись обнимать друг друга на глазах учителей.

Боже мой! Я умела лазать по канату, быстро бегать, свирепо драться: я была авторитетным человеком... Но, когда на меня напялили чудовищно пышную и возмутительно белую юбочку и осквернили голову таким же бантом, я почувствовала себя не в своей тарелке.

Урок начинался с повторения позиций. Опаздывая и торопясь, я выворачивала члены самым неестественным образом, копируя позы коллег. Но у них-то получалось грациозно. А у меня, судя по жалеющему взгляду аккомпаниатора... м-да... Губошлёпы, которых я недавно слегка поучила тонкостям дворовой этики, воспряли духом и захихикали. Они, вероятно, никогда ещё так не выкладывались на ритмике, как в этот злосчастный для меня день: они превосходили меня – в этом было всё дело – и давали мне это почувствовать с полной дозой детской беспощадности. Учительница была довольна: ребята полны энтузиазма. Она и не подозревала о причине их стараний. Рослые одноклассники пытались мне помочь, прикрывая собой от ехидных взглядов, но спасти меня было невозможно: начались танцы.

Встрёпанная, красная, злющая, я ничегошеньки не понимала из французских речений грассирующего аккомпаниатора: «па дэ труа», «па дэ катр», «па дэ патинэр». Меня подпихивали на надлежащие места, показывали нужные па, милосердная учительница не сделала ни единого замечания. А я металась по танцзалу, совершенно обалдевшая, неуклюже приседала в книксене перед изящными гадёнышами, которые, галантно склонив голову, шептали, глядя исподлобья: «скелетоза недоделанная, кривая фуфыра, чмо очкастое».

Объявили мазурку. Музыка была прелестна: похожую мелодию когда-то Борька разучивал на аккордеоне – там, в далёком моём доме. Едва не прослезившись, я возобновила старания. О, злой рок: в этом танце дамам полагалось менять кавалеров так, чтобы каждая девочка протанцевала несколько фигур с каждым мальчиком, присутствующим на уроке. Лояльно относящиеся ко мне пацаны сменялись противниками и супостатами. Открылось второе дыхание. Несложно оказалось запомнить, куда и как должны двигаться руки и ноги под повторяющиеся музыкальные фразы, я даже иногда попадала в такт... И вдруг – этот кошмар я до сих пор помню памятью ощущений, я даже сейчас краснею и злуюсь – очередь дошла до парнишки, который мне нравился. Он был высок, этот N., намного крупнее остальных ребят – первая ласточка акселерации. В те несколько дней, которые я успела отучиться до ритмики, он относился ко мне с полным безразличием. Учился он хорошо и не нуждался ни в подсказках, ни в краткой дрессуре перед уроком, чем я уже успела помочь нескольким бедолагам. Моим рассказам об иной жизни, отличающейся от бытия столичных детей, он никогда не внимал. Он был поглощён своей внутренней жизнью, серьёзен, нетороплив, рассудителен. Несколько девочек пооткровенничали со мной, признавшись, что он им нравится, но это безнадежно: у него есть подруга аж из четвёртого класса. И я мгновенно влюбилась... И вот этот кареглазый великан пританцовывает передо мной, протягивая руки... А я – едва достигаю ростом ему до пояса, то есть, взять меня за талию, не наклоняясь или не присев, он не может. Танцевать на полусогнутых ногах со взмыленным чучелом «мой предмет» не пожелал. Он вернулся к предыдущей визави, толкнув ко мне её нового кавалера. Тот, как назло, оказался из стана неприятелей: он поступил также. Стройность танца была нарушена, мальчишки отбирали «своих» девочек друг у друга, шарахаясь от меня... Выручил сосед по парте Серёжка (даже фамилию помню). Он тоже бросил свою партнёршу и чесанул ко мне через весь зал. Кое-как дотанцевали мы с ним до конца урока... С этого дня он стал провожать меня домой и даже убедил, что в Москве при этом принято, чтобы мальчик нёс портфель девочки. В благодарность я помогала ему изобретать универсальное кресло, обладающее способностью летать и плавать под водой, и ловила ему майских жуков. В Москве я окончила второй класс, отучилась в третьем, а затем переехала в подмосковный город, куда перебралась, наконец, моя семья, поскольку жить им в разлуке со мной было совершенно невозможно.

И там, в Подольске, началась у меня радостная и счастливая жизнь, которую время от времени омрачали разные трагические происшествия, и часть из них так или иначе была связана с музыкой.

В пятом, кажется, классе я за компанию с подружкой записалась в кружок танцев при Дворце пионеров. Подружка, впрочем, скоро бросила занятия, потому что добираться туда нужно было в переполненном автобусе. Я же предпочитала ходить пешком. Разучивали мы исключительно народные танцы. Меня поставили в пару с рыжим уродом, обладавшим потеющими ладошками, таким же тощим, как я, и таким же немusыкальным. Бедняга отплясывал с удовольствием и завидующими глазами поглядывал на ребят, которым достались красивые пластичные девочки. До первого концерта я выдержала – из упрямства. И вот нам выдали национальные костюмы. Мой, разумеется, был велик. Юбку подогнули и привязали ко мне верёвкой, кофту зашпилили множеством булавок. И грянула полька. Кавалер Рыжик запрыгал втрое усерднее обычного и повлёл меня за собой. Мы ни разу не сбились с такта, я ни разу не наступила ему на ногу... Примерно в середине танца я умудрилась окинуть взглядом зал, ища родителей (Зачем, зачем мне это удалось?) Их лица вместо удовольствия и гордости выражали смущение и удивлённое разочарование. Я почувствовала, что они почти стыдятся меня – костлявого заморыша в мешковатой одежде. Очки подпрыгивали на моём носу, булавки вылетали из костюма, кофта становилась всё шире и шире, юбка – всё длиннее и длиннее. «И это пройдёт, – изрёк когда-то царь Соломон: мы закончили пляску, нам похлопали. Подойдя к зеркалу, я поняла чувства мамы и папы. Стоит ли описывать, что оно мне показало?.. Но Рыжий... Рыжий ликовал и улыбался, он резвился и сиял, он даже чмокнул меня... Я позавидовала ему, так как он пережил день триумфа: его одели в сказочную одежду, он танцевал на сцене великолепного блестящего Дворца, ему аплодировали (в его поклонах после танца была снисходительность), он даже рискнул поцеловать девочку и не был наказан... Мы были одинаковы, мы были в равном положении, но как несхожи были наши ощущения. Кружок я, естественно, тут же бросила. Хотя он успел наложить на меня несмываемую печать: с тех пор где бы, с кем бы, что бы я ни танцевала, я всегда пляшу польку, польку, польку, бесконечную польку! Я подпрыгиваю в вальсе, я выделяю коленца народной пляски в современных западных танцах, я не умею танцевать медленно! И лица всех моих кавалеров преобразуются для меня в скверную мордочку Рыжего, которого я никогда больше не встречала...

И вот я подвела рассказ к описанию моего фиаско: большего позора в дальнейшей жизни переживать не приходилось. И, конечно, это снова было связано с музыкой. Девятый класс, 15 лет... Меня «назначили» капитаном школьной команды КВН, причём команду доверили набирать самой – предстоял ряд игр на первенство города. Набрать команду было легко, «руководить» – тоже, поскольку стиль моего руководства заключался в полном отсутствии руководства. Мне нужно было только писать, и я писала – стихи на популярные мелодии, сценарии приветствий и домашних заданий, заранее прикидывая кому какую реплику дать, кто наиболее выигрышно будет выглядеть в придуманных мною ролях и скетчах. Ставил сценки Володька – он овладевал актёрским мастерством в какой-то московской театральной школе-студии, за порядком следил Юрка – спортивный, сильный, авторитетный. Он получил у меня главенствующую роль, носил поролоновую бороду, и все принимали его за капитана. У меня было право снимать с любого урока любого потребного для нашего дела человека, и я с удовольствием этим злоупотребляла. Кто привёл Жака?

Неостроумный, неартистичный Жак не стал членом команды, он нам аккомпанировал: он умел подбирать по слуху модные песенки и играл на пианино «двумя руками». Кроме того, спортивен был Жак и отлично смотрелся. Он результативно играл в волейбол и баскетбол, даже лучше Юрки, блиставшего в футболе и хоккее. Причём при наличии наблюдающих девочек результативность Жака возрастала. Поговаривали, что у него роман с десятиклассницей... Я снова влюбилась. В его брэнчании на убогом школьном

фортепьяно мне слышались дивные мелодии, излучающие свет его нежной, ранимой, одинокой души. В его присутствии я непрерывно острила и... курила (т.к. какой-то кретин ляпнул, что мне идёт сигаретка).

К этому времени я успела попортить кровь нескольким частным учительницам музыки, всегда побеждая в единоборстве с ними: они сдавались и исчезали одна за другой.

Бессмертный «Сурок» Бетховена и «Цыганочка» исполнялись мною с воодушевлением и чувством, но дальше продвинуться не удавалось. Жак стоял подвига: я стала заниматься – без учителей, без нотаций и увещаний ежедневно садилась за инструмент и через сколько-то недель выучила «Вальс» Грибоедова и даже набрала приличный темп при исполнении (там нужно пальчиками так это быстро-быстро: та-та-та-та-та-та, та-та, та-та, та-та). Мне удалось сыграть Жаку: однажды, уединившись в пионерской комнате, переделывала забракованный командой сценарий, отпустив всех в спортзал. Вошёл Жак. «Не замечая» его, задумчиво села за инструмент и «та-та-та-та-та-та, та-та, та-та, та-та». Жак обомлел: «классика» и молча погладил меня по головке, как старательного ребёнка. Поговорить не удалось – ввалилась команда и потребовала сценарий.

Мы выигрывали битву за битвой, обштопывали противников в их родных школах, и наконец добрались до финальной игры. Она должна была проводиться в том самом Дворце пионеров «при большом стечении народа» и в присутствии школьного «генералитета», ранее не баловавшего нас своим вниманием. Нам даже автобус заказали! Игра началась. Объявили конкурс частушек на школьные темы. Незадолго до игры я как раз писала такие: невероятное везение. Конечно, я вызвалась – я знала, что частушки получились смешными... Минут 10 поизображала на сцене «творческий процесс» и уже собралась вызвать для исполнения нашу певунью... как вдруг... Мамочки! Выяснилось, что петь их должна тоже я... Я – петь! При Жаке! (Удрать? – Финальная игра. Команда получит баранку. Мы так пахали, мы весь год пахали...) Решаю: буду петь. А вдруг получится? Вышел дяденька с баяном, откуда-то взялся платочек... Повязывать его не стала – не идут мне платочки. Лукаво помахала им перед аккомпаниатором, потопала ножками (кажется, это было телодвижение из той самой польки, которую плясала именно на этой сцене). Народ, вижу, реагирует правильно: на платочке зафиксировались, наострили ушки. И я... запела. Как хотел, как безумно хотел добрый баянист подстроиться под мой голос. Он пытался его поймать до самого конца номера. Не на ту попал. Я, начав с мелодии частушек «Мы ростовские ребята» (исполняется «толстым» голосом), перескочила на «Ой, ёлочки, ёлочки, ёлочки-сосёночки» (почти на визге), оттуда – на что-то с прибалтнённо-одесским колоритом («На Дерibasовской открылась пивная»). Темп, ритм, тональность, тембр – плыло всё. Вольным стилем. В промежутках между куплетами я подпрыгивала и помахивала платочком. Залу было наплевать на слова частушек, я могла бы петь «Мцыри» или бурчать песенку Винни Пуха – эффект был бы таким же. Напротив меня в первом ряду сидела директриса нашей школы – монументальное сооружение, величественная женщина, похожая на сильно раскормленную Надежду Константиновну Крупскую. Я увидела, как с неё слетели круглые очки и она начала оплывать вниз со стула. Она побагровела, колыхалась и всхрюкивала. Зал выл. А за моей спиной, за кулисами, басом подвывал Жак. Я знала, что он потерян для меня навсегда, навсегда. И это было так. Не спасли саркастичные стихотворные экспромты в конкурсе капитанов, не спас выигрыш и последующее чествование (по причине мини-юбки качать меня ребята не решились, качали Володьку, а меня посадили на стульчик и, подняв над головами, как священную хоругвь, немного поносили по сцене). Жак больше не мог смотреть на меня без смеха. Какие, к лешему, серьёзные чувства можно испытывать к человеку, который так поёт? Всю обратную дорогу в автобусе я плакала, а через год поступила в технический институт...

С тех пор я почти никогда не пела. Но однажды, попав под ливень с человеком, который меня любил... Он неожиданно стал громко подпевать... Боже! Он пел ещё хуже, чем я.

Пришлось выйти за него замуж. И убаюкивать нашу доченьку «Последним троллейбусом» Окуджавы.

ЕДА В МОЕЙ ЖИЗНИ

Мы с Бориской измучили маму – мы были малоежками. Бориса маме удавалось обманывать: она относила приготовленные блюда к любимым соседям и за чем-нибудь посылала его к ним, а те, подговорённые, приглашали его к столу, и он стеснялся отказаться.

Для меня замечательно готовила украинка-няня Григорьевна, а папа привозил из командировок деликатесы, но я всему предпочитала огрызок пирожка с повидлом, недоеденный Бориской в школьном буфете и горсть семечек, уворованных из кармана няниного фартука.

Остальное пропитание при необходимости добывалось на улице. Еду, положенную в тарелку, я ненавидела.

После переезда в Москву мне пришлось послушно есть омерзительные вещи: манную кашу и яйца всмятку, диетические супчики и паровые котлетки; летом в промежутках между трёхразовой ежедневной пыткой тётя пасла меня в палисадничке с крыжовником и чёрной смородиной. Любые увеселительные мероприятия отравлялись необходимостью жевать и проглатывать полезные лакомства и фрукты в качестве витаминов.

Мы с тётей Аней любили друг друга, поэтому я, не ропща, поглощала всё, что мне давалось, а она следила, чтобы порции были невелики. Даже при таком обильном питании, я умудрилась остаться тощей, и тётя пришлось с этим примириться.

Враждебное отношение к съестному отозвалось мне недавно, еда отомстила: разъехалась молния на любимом комбинеzone (двадцати лет беспорочной службы):

«нереализованные» в детстве калории, оказывается, просто дожидались своего часа. И дождались: сейчас стоит мне понежнее взглянуть на пирожное и готово – лишняя телесная масса обосновывается на том участке корпуса, где мне менее всего хотелось бы её иметь. До состояния «бель фам» мне скорее всего дойти не удастся, но придётся увеличить размер одежды на единицу-другую.

Надо сказать, что бывали периоды, когда неприязнь к съестному притуплялась, иногда даже удавалось «расслабиться и получить удовольствие» от трапезы, хотя, бывало, что она ввергала меня в нелепые ситуации. Впервые это, кажется, произошло в Челябинске, куда перебралась с нашего рудничка семья моего сибирского друга Юрика – человека домашнего, упитанного и весёлого.

Утерянный в семилетнем возрасте контакт мы с ним возобновили, когда он был в армии, а я – на втором курсе института. Я переписывалась с несколькими «служивыми» одноклассниками и по просьбе Юриковой мамы, захавшей к нам во время командировки, написала и ему. Переписка длилась месяцев восемь, пока одновременно не произошли два события: Юрика за что-то наградили десятидневным отпуском, а я ушла в «академку» Узнав о последнем, Юрик пригласил меня в гости, увидеться вживую во взрослом состоянии. Родители не возражали, и я полетела в Челябинск, неожиданно свалившись на голову его маме и бабушке, которых мой друг не успел или не захотел предупредить...

Юрик прибыл дня через два и оказался развесёлым громадиной, бесшабашным здоровяком, приятно робевшим при встрече взглядов. Бабушка его и тётя Галя, счастливые, сдували с него пылинки и старались за короткий отпуск возместить детке всё, что он, по их мнению, недополучил в армейской столовой. Кухня работала круглосуточно. Когда все варианты сочетаний любимых его блюд были исчерпаны, решили отправиться к знакомым на пельмени. Разумеется, взяли с собой и меня.

После взаиморадостных приветствий все расположились за щедрейшим столом, и перед

каждым появилось огромное блюдо восхитительных сибирских пельменей, сочных, ароматных, дымящихся, исполненных по всем правилам из трёх сортов мяса и особого дрожжевого теста.

Под водочку, разносолы и разговор я расправилась с ними довольно быстро. Возможно, Юрику стало неудобно, что у «его дамы» пустая тарелка. Он подозвал хозяйку и сообщил ей, что мне очень понравились её пельмени (истинная правда), и что я хочу ещё, но стесняюсь попросить («милая шутка», разумеется). Умилившаяся хозяйка мгновенно, будто из рукава, насыпала пельменей в мою тарелку вдвое больше, чем было вначале. И подлила водочки... Справиться было уже трудновато, а схалтурить невозможно: Юрик бдительно следил за процессом и, стоило мне снизить темп поглощения, встревоженно оповещал об этом общество. Я смущалась и, отпустив комплимент кулинарному искусству хозяйки, начинала рьяно демонстрировать наслаждение... И эту тарелку я опустошила.

Юрик, взглянув наихуднейше, повторил свою выходку: «Тётя Лёля, а Таня ещё пельменей хочет». Тётя Лёля ушла на кухню и минут через десять снова наполнила мою тарелку, но лицо её при этом радости уже не выражало. Моё – тоже. Вежливость вежливостью, но... Я разозлилась: хозяйка вполне могла бы догадаться, что мальчишка просто издевается над нами обеими...

Компания дозрела до песен. Под полузабытые «Бродя-га, судьбу про-кли-на-я...» и «Славное море, священный Байка-ал» злость моя развеялась, возникло некоторое ухарство, подзуживающее посрамить Юрку. Я снова съела всё до последнего пельменя.

...Ему стоило пожалеть меня, право, стоило бы. Много в жизни могло бы сложиться по-иному, будь он помилованнее... Но Юрик идиотически держался хоженного маршрута: «Тётя Лёля, а Таня...» Идиотами, впрочем, выглядели все – и я, едва удерживающая злые слёзы, и Юриковы родственники, наконец-то сообразившие, какого зверюгу выковала армия из их милого мальчика, и тётя Лёля, которая могла бы неделю кормить семью тем, что я умяла...

Когда и как мы ушли домой – я уже не помню... Через год я жесточайше отомстила Юрику, причём мстила именно за последнюю тарелку... (Расскажу об этом позже).

Несколько похожа на эпизод с пельменями история моего кормления витебской подружкой Машенькой. Но над витебской сценой витала аура трагизма и иррациональности...

Попробую втиснуть всю предысторию в одну фразу. В машинном доме я любила бывать во время многочисленных командировок в её город, связанных с внедрением некой разработанной в моём

научно-исследовательском отделе установки на её заводе, где я умудрилась по уши влюбиться в её коллегу, над чем Маша сочувственно подтрунивала.

В последний день последней командировки этот человек пригласил всю нашу группу внедрения к себе домой отметить успешное завершение работы, а я, находясь в глубоком раздрае противоречивых чувств, заявила: «Нет. Я к Маше» и приползла к ней совершенно невменяемая.

Маша, невероятной чуткости человек, сразу поняв, что разговаривать со мной сейчас нельзя, просто усадила за стол и стала чем-то кормить. Когда тарелка опустела, я всхлипнула, готовясь поведать подруге о безнадежности и глубине бурующего меня чувства, но подруга сняла с плиты сковородку и перевернула её над моей тарелкой.

Аромат жареного мяса (или овощей, это неважно) проник в ноздри и пробудил рефлекс, управляющий движением руки с вилкой. Рука начала выполнять привычные шевеления – от тарелки ко рту и обратно. Рот, тоже повинующийся рефлекторным механизмам, в надлежащие моменты раскрывался, склёвывал с вилки очередной кусок и жевал, пока рука отправлялась за следующей порцией. Разум в процессе не участвовал по причине отсутствия на тот момент: сумбурные мысли отпихивали друг друга, переплетались, воевали и никак не могли выстроиться по ранжиру, нужному хотя бы для произнесения нескольких слов...

Я снова всхлипнула. Маша опять плюхнула что-то в тарелку...

Думаю, что в этот вечер её семья осталась без ужина. И наутро, вероятно, завтракать им было нечем. А я ушла к себе в гостиницу почти спокойная, просветлённая, уверенная, что всё идёт так, как должно идти, что всё правильно, всё чисто.

Маше не понадобились слова, да и никакими словами невозможно было бы добиться такого эффекта...

И воспоминания о свадебном пире школьной подруги заставляют меня краснеть. Всё было очень мило и шаблонно: сколько надо – покушали, покричали «горько», поплясали. Друг жениха фиксировал событие на киноплёнку. Но плёнка эта попала в шаловливые ручонки человека, который в качестве мужа подруги автоматически стал мне большим приятелем. Оказалось, что Саша не лишён чувства юмора. Своеобразного, м-да... Короче говоря, вскоре после свадьбы мне показали видеотчёт о торжестве.

Начиналось всё невинно: машины, опутанные лентами, с куклами на капоте, ЗАГС, «Молодые, поздравьте друг друга!», праздничный стол, пирующие гости... И вдруг отдельно, крупным планом – я. Сосредоточенно угощаюсь куриной ножкой. (Я насторожилась...)

Крик «Горько!» – рты присутствующих – в форме буквы «о». Нежный затяжной поцелуй жениха и невесты. Крупный план: я рву зубами мясо с куриной ноги.

Камера панорамирует ряд весёлых лиц. Застольные разговоры. Затем танцы. Пожилые пары топчутся в обнимку, молодёжь скачет и извивается. Крупный план – я. Догладываю куриную ногу...

Снова публика за столом. Рюмки, наполняющиеся вином и водкой. Ложки, шурующие в салатницах. Вилки с нанизанными пластинками ветчины и рыбы. Наслаждающиеся рты...

Крупный план – я в полном одиночестве самозабвенно танцую шейк.

До сих пор интересно: сохранился ли этот кинодокумент в таком безобразном виде или его всё-таки перемонтировали в соответствии с истинным ходом событий...

... Что ещё могу вспомнить о еде, трапезе, трапезовании?

Поступив в институт, я весь первый семестр не знала, где находятся буфеты и столовые, всего боялась, всех стеснялась и могла питаться только булочками, которые приносили мне прямо в аудиторию Бориска и кузен Витенька, оканчивающие тот же институт. Но уже через полгода я, едва раздавался звонок на большую перемену, мчалась в составе голодной орды по лестницам и переходам, вклинивалась в очередь, пристроившись к какой-либо знакомой персоне, подзывала и втискивала в очередь нескольких друзей, весело огрызаясь на негодующих на моё нахальство, исполняла сложные па с подносом, уставленным тарелками и стаканами и по-акульки успевала заглотать обед за несколько минут, оставшихся до звонка: бытие намертво определило сознание.

К старшим курсам остался лишь маленький дефект, связанный с едой, в совершенстве моего организма: я чуралась злых мест, принимая за таковые любые пункты общественного питания от кафе и выше; если еду разносили официанты, если играла музыка – такое «гнездо порока» было для меня недоступно: я боялась... Бориска, обнаружив это обстоятельство, пару вечеров поиграл где-то на аккордеоне за деньги и пригласил меня в ресторан. Отвертеться, сославшись на «Я не так одета», не удалось. Я едва не шлёпнулась от неожиданности, когда Бориска галантно придвинул мне кресло, и, усевшись, застыла напряжённой статуей. Братик изобрёл эффективный способ справиться с моей скованностью: он предложил понаблюдать за большой чинной компанией в начале их застолья, в середине и в конце... Это помогло, я не просто поняла, а почувствовала, что публика в ресторанах не небожители. Для такого вывода достаточно было пофыркать над красноречивым, вальяжным джентльменом (таким он был в начале вечера), почивающим на пышном бюсте соседки, у которой грим растёкся по лицу и сполз парик, а на коленках её пульсировали чужие руки... Велеречивые тосты сменились анекдотами, комплименты засалились, небрежность манер превратилась в суетливую неуклюжесть, кто-то ссорился, кто-то целовался, кто-то упрятывал в сумки содержимое тарелок... Бориска заказал нам

вина, но дал мне выпить совсем немного. Он не знал, что пить я давно научилась, знаю себя на каждой стадии опьянения и жёстко контролирую своё состояние (см. главу «Мама в моей жизни»)...

Братик ещё несколько раз водил меня в рестораны разных категорий, пока не убедился, что они перестали меня пугать. Это был весьма полезный опыт... Однажды я даже рискнула пойти туда одна – со стипендии, но нарвалась на назойливое ухаживание, послужила причиной драки и более опыта не повторяла...

В полной мере я оценила ресторанный ликбез, когда в моей жизни возник Он. Дарлинг. Я уже достаточно уверенно держалась в публичных местах, но жевать и глотать в присутствии Дарлинга всё-таки не могла.

Тоскующим взглядом провожал он умыкаемые официантом мои тарелки, наполненные вкусоптицей. Я знала, отчего он тосковал: Дарлинг не был обеспеченным мужчиной. Половина его зарплаты уходила на наши кутежи, и половина этой половины пропадала втуне – я ничего не ела. Пригубливала вино, охотно танцевала, но совершенно игнорировала еду. (Между прочим, я тоже «оплакивала» несъеденное – чуть позже, возвращаясь в своё подмосковное гнездо к родителям на последней электричке, нацеловавшаяся, взбудораженная и ... голодная). Есть в присутствии Дарлинга я научилась примерно тогда, когда начала для него готовить...

ДИПЛОМ В МОЕЙ ЖИЗНИ

Тане из Канберры посвящается

1. Преддипломная практика.

А я, знаете, не особенно чётко помню летнюю преддипломную практику на телевизионном заводе, после которой нужно было сделать курсовой проект реального цеха, т.е., исходя из заданной производительности, выбрать технологию производства, рассчитать и подобрать оборудование, «нанять» персонал и т.п.

Цех мой получился очень дорогостоящим. И – большой сюрприз для меня – старательно рассчитанной площади помещения не хватило для половины оборудования, когда я, как подобает, вырезала силуэты агрегатов из миллиметровки и попыталась грамотно их расположить в спроектированном цеху, соблюдая требования СНиП и правила эргономики. На защиту проекта я явилась, имея в кармане коробок с бумажными прямоугольниками, изображающими в масштабе не поместившееся на чертеже оборудование. Я трепетала, но лелеяла надежду, что, когда меня, к примеру, спросят: «А где вторая гальваническая ванна?», я гордо отвечу: «А ВОТ ОНА!» и достану заветный коробок. Однако всё обошлось, никому и в голову не пришло пристально разглядывать мои чертежи и расчёты...

...А какую шикарную лекцию по технике безопасности прочитал нам цеховой технолог.

Он поведал леденящую душу историю про распитие технического спирта троицей лаборантов, которые предварительно опробовали напиток на заводском Шарике. Шарик, приняв угощение, был весел и резв. Люди поверили ему и провели свой маленький

праздник на рабочих местах. Ужас, испытанный ими, когда на выходе они натолкнулись на мёртвого Шарика с выпавшим языком, погнал их сдаваться в заводскую поликлинику.

Оттуда они вышли с идеально промытыми желудками. Их заставили написать покаянные объяснительные записки. И вдруг они снова увидели Шарика. Воскресшее животное клянчило продолжения банкета и никаких признаков нездоровья не проявляло. Поддатого пса днём просто разморило на солнышке, он спал... Нарушителей трудовой дисциплины покарали рублём, над ними потешался весь завод. Шарик тоже досталось. От них.

Мораль здесь неоднозначна, но то, что не стоит бездумно принимать внутрь спиртосодержащие технические жидкости, мы всё-таки усвоили.

После практики я устроилась на работу на этом заводе – нужны были деньги на подарок к небольшому юбилею братика, который уже окончил институт и жил тогда в Волгограде. Само звучание того, что я делала на рабочем месте, приводило меня в хорошее настроение: я спейсера рихтовала. (Это похоже на блатную феню: рихтовщица спейсеров.) Попоросту говоря, штамповала небольшие жестяные детальки

для телевизора. Забавно, что уже через два-три дня я легко выполняла норму, а через неделю стала делать её до обеда. Но погордиться трудовыми достижениями не успела: со мной поговорили бабы, работающие по соседству. Оказывается, цеховые умельцы чутко поколдовали над прессом, здорово увеличив его производительность. От руководства это скрывалось, иначе норма выработки возросла бы в несколько раз. Бабы договорились только слегка перевыполнять план, что приносило им стабильные премии. Это мелкое «жульство-мошенство» особого протеста у меня не вызвало, напрасно бабы боялись, что во мне разыграет будущий инженер, и я их заложу: в маленькой войне между работягами и администрацией я была на стороне пролетариата...

После обеда я отправлялась бродить по заводу, повсюду суя любопытный нос.

... Мне удалось раскрыть причину чрезвычайно низкого процента выхода годных изделий в производстве цветных телевизоров. В те годы он едва достигал 10 процентов, и это считалось неплохим показателем. Т.е. 90 из 100 изделий было браком и все средства и труды, затраченные на их изготовление, пропадали втуне. Это происходило из-за нарушения технологии.

Я засекала и пронаблюдала, что вытворяли на операции отжига люминофоров. Транспортёрная лента, на которой возлежали кинескопы с нанесённым люминофорным слоем, медленно вползала в пышущую жаром трубу (печь для отжига). В печи были устроены разнотемпературные зоны, и транспортёр провозил через них кинескопы так, чтобы в каждой зоне кинескоп находился строго определённое время. Находился БЫ. Если бы не одно приспособление, используемое тётеньками-рабочими. Скучно же им было стоять и часами ждать, когда кинескопы покажутся, наконец, на выходе печки, и можно будет подхватить их специальными щипцами и расставить по стеллажам. Тётеньки завели себе длиннющие кочерёжки. Они засовывали их в выходное отверстие, подцепляли только что въехавший кинескоп, и – вжжжик – быстренько подтягивали его к себе. Вжик-вжик-вжик – и продукция стоит на стеллажах, а тётенька ушла по важным своим делам или посвящает возникший досуг внепроизводственному общению... В этом случае я уже не была на стороне пролетариата. Но трепыхаться не стала, обсудив ситуацию со своими товарками. Они открыли мне, что производство цветных кинескопов кишмя кишит мелкими и крупными нарушениями технологии. Однако, доказать чью-то конкретную вину в браке мне не удалось бы, как ни старайся. А стучать начальству на

свою рабочую сестру – недопустимо. И совесть пусть меня не мучает: мы же – рихтовщицы спейсеров – не являемся причиной брака, а выдаём спейсера с высокими показателями качества... Мы только научились получать за наш труд немного больше, чем за него готовы были платить...

Ребята! Это же я наткнулась на один из тех краеугольных камней социалистического производства, который неминуемо проворачивается, когда на него наступаешь, обрушивая того, кто на него опирается, в болото... Это «слабое звено», ахиллесова пята социализма: ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР. И я, как полноправный член данного конгломерата, тоже оказалась слабым звеном, и закладывать никого не стала. Но, видимо, как-то этот вопрос впоследствии был решён, поскольку массовое производство цветных телевизоров в стране было налажено. А преддипломная практика и этот рабочий период остались короткими эпизодами моей биографии, «сюжетом для небольшого анекдота».

2. Дипломная работа

Можно было выбрать дипломный проект и создать на бумаге виртуальное производство чего-то там, но я, памятуя коробок, предпочла работу, т.е. экспериментальное исследование. Кафедра моей специальности была мала и тесна. Мне предложили делать диплом в лаборатории физической химии. Шефом моим тоже, разумеется, стал профессор с физхима. Но общалась я с ним мало: он был «макси-шеф» и быстренько перекинул меня на шею «миди-шефу» – научной сотруднице. К ней надлежало обращаться в случае крупных затруднений, а непосредственно курировал работу мою «мини-шеф» – аспирант Коля. Логично. Ведь мой диплом и был экспериментальной частью его будущей кандидатской диссертации. Поэтому именно он должен был разработать стратегию исследования, снабдить меня всем необходимым и научить обращаться с незнакомыми приборами. Меня совершенно покорила потенциостат П-5827 – симпатичный сундук с лампочками, тумблерами и стрелками. Инструкция по его эксплуатации читалась, как небольшая повесть, а включать его нужно было, строго выполняя пятнадцатиминутный ритуал, который я тут же выучила наизусть: «... сначала... после чего... дождитесь, пока... потом... Если... тогда... Ни в коем случае не...»

Прежде всего Коля заявил, что предмет предстоящего исследования: – одна из операций изготовления микросхем. Прогрессивно и престижно. Дело в том, что учёба моя пришлась на период обострения научно-технической революции. Поступала я изучать технологию электровакуумных приборов и материалов. Примерно в середине моего обучения их вытеснили полупроводники, а, когда я добралась до диплома, выяснилось, что и они уже не пляшут, а «пляшут» некие интегральные схемы, но их изучить мы уже не успевали...

Коля смотрелся также современно, как микросхемы: фирменные джинсы, замшевая курточка, небольшая аккуратная борода, запах хорошего лосьона... Диплом обещал быть интересным. Антураж соответствовал втайне лелеемой мечте, состоявшей из двух компонентов: войти, наконец, в серьёзную науку и что-нибудь в ней открыть...

свершить... на благо человечества, и найти, наконец, достойного меня человека и что-нибудь с ним закрутить... свершить... оседлать судьбу. П-5827 и Коля, казалось, гарантировали мне и то, и другое.

Коля, свободно владея терминологией, излагал методику эксперимента, я восхищённо впитывала, старательно завораживаясь и прислушиваясь к предчувствиям.

– Может, перейдём на «ты»? – неожиданно предложил он. Я, вздохнув (рановато вроде бы. В соответствии с романами о молодых учёных, это должно было произойти после первой небольшой научной победы), согласилась. Взгляд Коли приобрёл хищный оттенок. Он положил руку мне на плечо и... рассказал похабнейший анекдот. На мою беду анекдот был дико смешон, он оканчивался словами «Так а чем же мы вчера закусывали?», и я, сколь ни нетерпима к похабелям, залилась жизнерадостным смехом. Коля, решив, что тест на совместимость (отнюдь не научную) я прошла, удалился, состроив глазки на прощанье.

А я начала размышлять и соображать. Ситуация развивалась явно не по Даниилу Гранину... И я ринулась к душевной подруге Ленке – как всегда, когда жизнь учиняла мне какую-нибудь скверность. В таких случаях Ленка будто взмахивала волшебной палочкой, и все мои сложности испарялись. Я рассказала ей всё. Вплоть до «он мне нравится-а-а...» Ленка уже на следующий день владела полной информацией об объекте.

– И думать не могли. – вразумляла она. – Во-первых, он женат, а во-вторых, ходок тот ещё. Ни одной не пропускает. Тебе показать всех, с кем он спал, спит или пытался спать? Недавно он слишком энергично попробовал поухаживать (ты понимаешь, да?) за Наталкой. Она в группе моего Володьки учится, знаешь? Ну, она попросила Володьку сказать Коле, что он неправильно себя ведёт. Понимаешь, да? Ну, Володька сказал... Синяки у Коли недели две держались. А хромал он совсем недолго, всего неделю»

– Что, всё так серьёзно, да? – испугалась я.

– Ты, главное, ори погромче, – не совсем впопад посоветовала Ленка. – На физхиме всегда народ... вечерники... отобьют, ежели чего...»

На следующее научное randevu с мини-шефом я явилась со строгой мордой и поздоровалась сухо и официально. А он, наоборот, принял игривый тон и заговорил об отвлечённых вещах. Тогда меня осенило. Таким же тоном я сообщила ему, что друзей у меня много, и есть даже у нас с ним общие знакомые, которые даже привет ему передают. Например... И назвала фамилию Володьки, сопроводив многозначительным взглядом.

В дальнейшей нашей беседе уже ни слов, ни звуков не было.

– Так тебе всё известно? – спросили его глаза.

– Во всех подробностях, – ответили мои.

– У нас с тобой не будет никаких отношений?

– Только официальные.

– А если я всё-таки...

– Володьку позову. Брысь!

– Будь по-твоему.

Больше не было ни анекдотов, ни жестов прогрессирующего дружелюбия. Это сильно облегчало мне жизнь, но и несколько осложняло: я избегала обращаться к мини-шефу даже когда заходила в очередной тупик в работе...

...Самое время вернуться к диплому. До следующего лирического воспоминания...

Интегральная схема, она же микросхема, – симпатичная пластиковая тоненькая пластиночка. Разные точки на ней соединены едва заметными линиями, это, собственно, и есть схема. Эти линии «нарисованы» металлом. Таким, например, способом: всю пластиночку покрывают металлом и убирают лишний, оставив только эти тонкие дорожки. А это делают так: поверх металла на пластинку наносят защитный фотоэмульсионный слой и проецируют рисунок схемы. Засвеченный фотослой смывают спец. раствором. Там, где проходит дорожка, фотоэмульсия остаётся несмытой, защищая находящийся под ней металл, а оставшуюся без защиты основную массу металла убирают электролитическим травлением. Потом смывают с дорожек защитное покрытие – и мы получаем пластиночку с тончайшими металлическими «дорожками»-проводниками. В микроскоп прекрасно видно, какой сложный узор они образуют.. А в электронный микроскоп можно разглядеть, что эти «дорожки» – неровные, ущербные, с разрывами...

Причина дефектности – длительность электролитического травления: пока убирается не защищённый фотослоем металл, раствор электролита успевает «подъесть» защитный слой фоторезиста и то, что он защищает... В чью-то голову пришла идея: увеличив ток в сотни или тысячи раз, подать его коротким мощным импульсом и «содрать» металл с подложки мгновенно.

Получаем двойной выигрыш: во времени процесса и в качестве рисунка микросхемы.

Вот это и есть суть моего диплома. Осталась ерунда: подобрать растворы и найти режимы операции. Потенциостат обеспечивал контролируемый импульс тока, самописец вычерчивал кривую процесса (мне нравились дикие прыжки пера самописца при токовом импульсе), электронный микроскоп давал возможность сфотографировать полученную схему. Моя задача – обслуживать взаимодействие этих приборов. Коля же снабжал меня микросхемами, а также алюминиевой фольгой (для экспериментальных «черновики»).

Теперь я уже не могла позволить себе ежедневную трёхчасовую дорогу. Вообще-то «подмосковичей» в общежитие не селили, но дипломники – вроде армейских дедов – получают даже то, что «не положено», и я поселилась в общежитии. В комнате нас жило трое. Часто – двое, т.к. Т. с мужем снимали квартиру. Но всё-таки – трое, т.к. у Н. часто ночевал её возлюбленный. В такие ночи я уходила в рабочую комнату. Сам собой сложился добротный рабочий цикл: утро и день в лаборатории, ночь – обсчитываю результаты, утро следующего дня – отсыпаюсь, день и вечер – торчу в библиотеке, ночь – сплю. Когда я стала своим человеком на физхиме, вплоть до совместных чаепитий с диковатой лаборанткой Людочкой, откуда-то взялся и стал появляться ежедневно невысокий парнишка со славной физиономией, «носящей признаки разумной деятельности». Неподалёку от моего рабочего места стало возводиться некое сооружение не очень ясного назначения. Паренёк приволакивал аппаратуру, химическую посуду, паял, готовил растворы, возился с картотекой. На меня он поглядывал уважительно, обращался с уважением. Это тонизировало. «Третьекурсник, допущенный к научной работе, – предположила я. Таких энтузиастов, как правило, «отдавали в рабство» дипломникам и

аспирантам – «пробирки мыть». Но иногда среди них были люди, всерьёз впилившиеся в науку. Надо сказать, что рядом со мной частенько студенты выполняли лабораторные работы, от своей аппаратуры я их свирепо шугала («знай своё место, козерог»), крайне редко снисходя до небольшой помощи и консультаций. Примерно в таком же ключе я общалась и с этим, невесть откуда взявшимся, соседом: усталая снисходительность в голосе, уверенные рекомендации («а за сосудом Дьюара слетайте на аналитику на третьем этаже. Я там под первым столом отличный дьюар нашла, и там ещё штуки три осталось. Идти надо в обед, когда лаборанты в буфете. И лицо. Сделайте уверенное лицо: этот дьюар Вам презентовал лично завкафедрой... Вот так. Если глазёнки будут блудливо бегать, Вас поймают и дьюар отнимут. А для меня прихватите индикаторных бумажек. Угу?») Он почтительно внимал и выполнял всё безукоризненно.

А я получала ежедневное наслаждение, подслушивая, как он ругается или воркует со своим стеклом и железом.

(– Это ты что мне учиняешь? – укорял он какой-нибудь электрод, – Ты, скотина, разве такой ток дать должен? А вот мы тебя шкурочкой, нулёвочкой, нежненько так... Нравится? А-а, умница. Справляешься. Тогда я тебя не выброшу... А откуда здесь горка? – рассматривал он ленту самописца. – Наглость какая. Здесь впуклость должна быть. Негодяй, я тебя в металлолом сдам... Рисовать он мне тут будет, самовыражаться. Ты мне впуклость давай. На два деления, понял?»)

Как-то Людочка за чаем устроила мне ленивый разнос.

– Как ты обращаешься с Олегом Генриховичем?

– С ке-ем?

– Ну, с Лёликом.

– Людочка, ему до Генриховича лет 10 подрастать надо.

– Ошибаешься. Он – аспирант. И не сразу после института, а с производства. Три года отработал уже. Знала бы ты – где. Его еле-еле отпустили в очную аспирантуру, на нём там весь завод держался... Женат, между прочим. Это тоже учти.

... Сказать, что я испытала лёгкий шок, – будет неправдой. Шок был средней тяжести.

Мне стала ясна причина всегдашнего веселья в блестящих Лёликовых глазах. Его явно потешала моя спесь и он с удовольствием ей подыгрывал...

... Я ни на гран не изменила стиль общения, хотя дала понять товарищу, что его биография мне хорошо известна. Игра в наоборот – в полную противоположность реальности – в умудрённую научную работницу и недоросля – забавляла уже нас обоих в равной мере...

Что называется «как жаль, что он не в моём вкусе», и как безмерно жаль, что и я – не в его.

(«Зачем при встречах каждый раз

Я неотступно и упрямо,

Припрятав радость в недрах глаз,

Играю роль солидной дамы.

И смех приходится глушить,

Ловить улыбку на излёте.

Но так и хочется спросить:

«А завтра Вы опять придёте?»)

Как-то утром в лабораторию вошёл сам макси-шеф, склонил голову и стал наблюдать за моими действиями. Я решила показать класс и защёлкала тумблерами с удвоенной энергией. Наверное, от волнения, в нарушение всех инструкций умудрилась ухватить одновременно два противоположных электрода. Мощный импульс тока потенциостат послал в цепь, в которую была включена и я... Свет стал серо-чёрного оттенка, в пальцы вгрызлись мелкие острые зубёнки, и меня стало куда-то всасывать, – такие были ощущения. Наверное, я задёргалась, потому что стеклянная ячейка звякнула об кафель стола, разлетелась, цепь разомкнулась и выпустила меня. Увидев лицо профессора, я поняла, что нужно срочно всё ему объяснить:

– Ну, дура потому что – сообщила я. – Можно я домой поеду?

(Видимо, толково объяснила, т.к. никто никогда не пенял мне за этот случай).

... А между тем, дела мои были совсем нехороши: как я ни старалась, добиться чёткого рисунка микросхемы не удалось. Увеличивала импульс – плохо, уменьшала – плохо, пробовала разные электролиты – плохо, совсем плохо и ещё хуже. Я начала свирепеть и тупеть от безнадежности. Однажды в почти сомнамбулическом состоянии залила в ячейку недопитый Людочкой чай с лимоном и включила потенциостат. Пока машинка разогревалась, я представила себе, что будет в случае положительного результата, и испытала ужас. Перед глазами замелькали главы будущего научного опуса: «Влияние сортности чая на плотность тока»... «Концентрация сахара в растворе чая и критерии электролитического травления»... «Кривая зрелости лимона и каталитический эффект...»

И – самое страшное – что сказать на защите диплома? Комиссия же пожелает знать, путём каких логических построений я вышла на этот электролит...

О, Господи!

Мысль галопировала, взбрыкивая и ржа: вот, по моему проекту цех снабжают чаепроводом... Работяги, разумеется, впаивают туда патрубки с вентилями и в обед нацеживают себе вкусный электролит от пуза... (опыт преддипломной практики подсказывал, что именно так и будет)... и я, как одна идиотическая размечтавшаяся героиня сказки, уже готова была наяву вскричать: «Не пейте этот чай, ребята. Он для микросхемы нужен!»

Скачок стрелки самописца. Прошёл токовый импульс. Дрожа, разглядываю пластинку в микроскоп: о, счастье: безнадежно плохо. Настолько плохо, что не имеет смысла продолжать.

...Вплотную приблизилась дата юбилея братика, и я, никого не предупредив, накупила подарков и улетела в Волгоград,

3. Защита диплома.

Вернувшись, я претерпела страшный нагоняй от профессора и, воодушевлённая, приступила к оформлению диплома. Систематизировала фотографии, вычерчивала цветной тушью графики, сводила цифирь в таблицы – и всё для того, чтобы заявить: «Данный метод не должен применяться в производстве микросхем. Это тупик». Так называемая «защита на отрицательном результате» – довольно редкое событие. Обычно дипломант превозносит достоинства и преимущества всего, касающегося до его работы. А мне нужно было убедительно разнести то, чему отдала несколько месяцев жизни, то, что освоила до тонкостей, во что вжилась... Сейчас-то я понимаю, что для этого вывода совсем не нужны были эксперименты, достаточно было бы покорпеть над справочниками...

Профессор организовал мне хорошую предзащиту, т.е., натравил на меня нескольких самых своих зубастых сотрудников и аспирантов (Лёлик в их числе), часа два они громили и крушили в моём дипломе всё: методику работы, стиль доклада, источники, приведённые в теоретической части, оформление. Их выступлений и рецензий хватило бы для выработки комплекса неполноценности и отвращения к себе у самого пылкого нарциссизма, вплоть до самого Нарцисса.

Если кратко сформулировать их горестное резюме, получилось бы: «И на что (на кого) только государство деньги тратит!» И это выдали превосходные, умнейшие ребята, которых я уважала... Вполне можно было бы впасть в глубочайшую депрессию... Увы, в силу некоторых врождённых свойств, на это («даже на это») я не способна. В том критическом горниле, через которое меня протащили оппоненты на предзащите, мой нос уловил некоторый обман, налёт игры, в которую мы играли с Лёликом, игры-«наоборотки». Я почувствовала, что и шеф не очень хочет меня угробить, что он просто решил как следует натаскать свою «свору», оттренировать у своих ребят специфические навыки, необходимые для научных полемик, – хотя бы и на мне... Почему бы и нет? И я энергично отгавкивалась, разнообразно доказывая оппонентам их глубочайшую неправоту и свою научную состоятельность.

Защита приближалась. Фейерверком мелькнула восхитительная новогодняя ночь. Появились первые защитившиеся.

(«...О, друзья, какой пример!

Наша Лола – И-ТР!

.....

...И вот защита позади

И сердце, как щегол, в груди

Поёт о том, что взят барьер,

Что ты зовёшься И-ТР,

Что пред тобою на столе

Зелёный змий блестит в стекле

И рвётся выйти.

И вот за то, чтоб ты всегда

Была, как нынче, молода,

Красива, счастлива, горда, –

Давайте выпьем!»)

Подготовка велась по всем направлениям: мама раздобыла тонкий сиреневый шёлк для дипломного блузона, тётя Баля поставила настаивать бутылочку своего фирменного ликёра, тётя Аня купила для меня золотые серёжки, папа ходил с осоловевшими глазами, натываясь на предметы: именно ему я зачитывала по ночам свой дипломный доклад, заставляя оппонировать.

Защищаться я должна была уже на родной кафедре. И тут мною была совершена первая ошибка: я забыла известить заинтересованных лиц с физхима, когда и куда им нужно прийти для представления комиссии моей работы и меня лично, как их подшефной. Я вообще была мало вменяемой в те дни. Осознавать себя начала внезапно, когда направлялась к «месту казни»: по лестнице поднимались навстречу мне две странно знакомых личности. Минуты две-три потребовалось, чтобы опознать Ленку с её Володей, которые к тому времени родили своего первенца, (Володя защитился, Ленка ушла в академику, и проживали они уже в Воскресенске). Всё, относящееся к диплому, улетучилось из головы. Я смотрела на приближающихся друзей и размышляла – на кого они оставили младенца и во сколько же им пришлось вставать, чтобы успеть... Успеть – куда? Да! На мою защиту же, – обожгла мысль. Но страх пропал начисто. Началась суета, по пути в аудиторию нужно было быстренько прояснить уйму животрепещущих вопросов, я уже досадовала, что мелкая помеха – предстоящая защита – мешает насладиться обществом ребят в полной мере... И здесь была мною совершена вторая ошибка. Уже стоя перед комиссией, я подолгу с нежностью взирала на друзей, изредка с неудовольствием уделяя внимание самой комиссии. Доклад мой, впрочем, был очень хорош: дикция, мимика, пластика, – всё было отрепетировано...

Третья моя ошибка: отвечая на вопросы, я выбрала тон, которым отбрыкивала оппонентов на предзащите. Не стоило, конечно, применять к профессуре методу, заставившую поперхнуться ехидных аспирантов из физхимовской своры... Впрочем, после намёка, что, если бы уважаемая комиссия в самом деле слушала мой доклад, то вопросы, задаваемые мне, были бы совсем иными, – у меня заперхла и профессура... А Ленка скорчила страшную гримасу и постучала себя по темени... И всё-таки мне удалось всех убедить ни в коем случае не использовать метод импульсного электролитического травления при больших плотностях тока для получения токопроводящих дорожек на микросхемах... ..

А мой макси-шеф в это время ждал, когда его пригласят присутствовать на защите его дипломницы, чтобы рассказать, какой она трудолюбивый и смыслённый человек и насколько её работа заслуживает высшей оценки. Вдруг к нему врывается она дипломница в сильно потрёпанном виде и сообщает, что всё, собственно, уже состоялось, а ему надлежит через неделю вечером явиться в зеркальный зал ресторана «Прага», где наша группа решила «гулять своих профессоров». Между делом я упомянула, что за диплом огребла четыре балла. Профессор крикнул, разбиделся и от ресторана отказался наотрез. Но мне было уже всё равно... Где и как мы праздновали с Ленкой и Володей, память не удержала. И это странно: ведь вкус тётчибаиноного ликёрчика сохранился на языке до сих пор...

МАМА В МОЕЙ ЖИЗНИ

Начну я, пожалуй, с маминой истории – задолго до моего появления в её жизни.

Она у меня – крестьяночка, крепкого русского корня, прочно вросшего в землю в деревне Балево Тульской губернии. Её мама, бабка моя, погибла от несчастного случая, успев родить деду троих детей: тётя Аня на 13 лет старше мамы, дядя Алёша – на год младше. Дед быстро женился, и с мачехой сиротам повезло – доброю к ним была. Дед умел читать и был хорошим плотником, ездил в Москву на сезонные заработки и своё хозяйство вёл основательно. Я бывала в доме, где родилась мама. Он и сейчас стоит – пустой, кривой, начавший разрушаться; его хозяин – кузен мой Коля – обосновался с семьёй в городской квартире (благо, город Суворов неподалёку – пешком минут 20). Но в доме ещё можно жить. Лет 10 назад мы с Дарлингом и Тошкой провели там неделю, печь топили, спали на старых ветхих койках – экскурсия такая была для Тошки в «деревенскую жизнь». Интересно, запомнилось ли ей хоть что-нибудь, кроме телевизионной игровой приставки, до которой допустили её старшие троюродные братики Саша и Алёша в городской квартире?

Да, так я – о маме.

Первой деревню покинула сестра, она и маме помогла выбраться. Мама поступила в медицинский институт (стать врачом она захотела, наверное, оттого, что бабка была «травницей», лечила соседей, её уважали, несмотря на молодость.) Жилось маме в Москве трудно и бедно, по чужим углам. Тётя Аня тогда работала на каком-то химическом производстве и жила в общежитии. Большой помощи сестрёнке оказать не могла. На лето мама уезжала домой подкормиться. Наверное, несколько раз в зиму дедушка привозил ей что-нибудь, картошечки там мешок, сала, варенья. А стипендия уходила на оплату жилья. На последнем курсе мама познакомилась с двоюродным братом приятельницы, командировочным из Сибири, 30-летним инженером-химиком – моим будущим отцом. Мама рассказывала: «Он красиво ухаживал»... И я представляю: её – «Золушку» – папа водил в театры и рестораны, задаривал и угощал. Как же, наверное, она вскружила ему голову: она была младше его на 8 лет. С ума сойти!.

А происходило это весной 1941 года... Папа сделал предложение, они расписались и он укатил в свою Сибирь, подготавливать гнездо... Мама защитила диплом перед самой войной и распределилась на север, к мужу. (Между прочим, её однокашники только при распределении узнали, что она вышла замуж. Скрытной была крестьяночка моя... Почему?) Папа едва успел её дожидаться и его мобилизовали в армию – на границу с Японией офицером химических войск.

И осталась моя крестьяночка одна на затерянном сибирском рудничке – молоденькая выпускница мед. института, врач, доктор. Почти все местные врачи ушли на войну, так что пришлось ей стать универсалом – и зубы дёргать, и роды принимать... Как она

выдержала: север, холод лютый, возня с дровами, воду водовоз раз в день привозит?... Выдержала. И папу дождалась. (Ей цыганка нагадала, когда от папы долго известий не было: «Вернётся живой, и двое детей у вас будет, мальчик и девочка»).

А ведь я в детстве маму не особенно любила. Папа был ярче, а она тушевалась, слушалась его. Папа меня баловал, а мама и шлёпнуть могла, и за вихры оттащить... И вообще, она Бориску больше любила, а я была – папина. В дела мои мама не особенно вникала – некогда было.

Работала она так, как мало кому из городских врачей приходится. Разве что врачам «Скорой помощи». Но они отдежурят вахту – и на какое-то время свободны, а мамин труд был каждодневным и практически непрерывным. В коридоре стоял крашенный белой краской деревянный ящичек с красным крестом, заполненный медикаментами, бинтами, ватой, мед. инструментами. Мама приходила с работы, наполняя дом запахом лекарств, и вскоре обязательно звонил телефон, и она отправлялась на вызов с этим ящичком.

Пешком, если вызов был местный, на лошади, если вызывали издалека. Доводилось ей ездить к больным и на собачьей упряжке, и на оленьей... На бедре у неё были шрамы: на вызове её порвали собаки, которых родственники больного забыли привязать... Чаще всего вызывов было несколько в один вечер,

она возвращалась среди ночи, а утром шла на работу в больницу.

... В нашем доме никогда не звучало матерщины. Мама могла покричать, а иногда ругалась смешной деревенской бранью, наверное, запомнившейся ей с детства: «Гадский род, паразитское отродье!»,

«Ах вы противные, ах вы противные!» Папа никогда не ругался и протяжно урезонивал разбушевавшуюся маму: «Му-уся, Му-уся».

Однажды мама при мне пыталась за что-то отлупить Бориску – невероятное зрелище, накинулась на него с занесённым над головой карающим венником. Братик увернулся, прыгнул в кровать и с головой накрылся одеялом. Мама колошматила венником по кровати, а Борька шустро перекатывался с места на место, вопя и хохоча, пока мама не угодила по лампочке над головой, на неё посыпались осколки, а братик воспользовался темнотой и улепетнул...

Однажды я видела маму в слезах: Бориска повёл меня погулять в тайгу, мы заблудились и смогли вернуться лишь когда стемнело. Мама сидела у окна и плакала...

Врачом она была замечательным. Однажды медведь заломал пастуха. Подпасок обнаружил его с содранным лицом. Медведь распорол кожу на подбородке и всё лицо задрал вверх. Кроме того он выгрыз косточку из переносицы. Мама рассказывала, что, перед тем как пришить лицо на место, она несколько часов выбирала пинцетом с живого мяса хвоинки и мелкий лесной мусор. Косточку на переносице она заменила рыбьим хрящиком, взятым на больничной кухне. Прижилось.

Всего несколько раз мне удалось увидеть, как она работает, и поразило меня её преобразование в уверенную, авторитетную, властную женщину с быстрыми, ловкими движениями и командирскими интонациями в голосе. Дома она была другой. Мы с Бориской почти всегда могли её переупрямить, особенно, если папа принимал нашу сторону. Чаще всего это случалось, когда необходимо было приютить какую-нибудь зверушку. Поначалу мама резко восставала, не слушая никаких наших разумных доводов... Но почти всегда новый питомец поселялся у нас, и мы с Бориской хихикали в постелях по утрам, слушая мамино ворчание на кухне: «Ах ты, противный-ах ты, противный! Опять напрудил! Ну на, на! Ешь!» (Заботы о быте и питании зверёныша, разумеется, грузились на неё).

Я почти никогда не откровенничала с мамой, по-настоящему поговорили мы с ней раза 3-4 за всю жизнь. Она не выслеживала меня, не признавала секретов, не читала моих писем и записок и не выпрашивала дотошно где и как я провела день. Я, разумеется, сознавала, насколько мне повезло с нею, но это даже как бы и обижало немножко... «Не любит она меня,» – делала я вывод. Я не умею ни шить, ни вязать, потому что мама не занималась

этим, ей было некогда. Искусство её не увлекало, даже беллетристику читать удавалось нечасто. И переехав в подмосковье, мама почти не изменила стиль жизни – работа и быт... Иногда московские родственники одаряли моих родителей билетами в театр. Мама принаряжалась, прихорашивалась у зеркала, делала причёску (ночь на бигудях), красила губы ярко-красной помадой, брала под ручку тоже расфранчённого папу и родители торжественно отбывали в Москву «на встречу с прекрасным»...

Я привыкла относиться к маме снисходительно, она позволяла мне это, однако несколько раз проявлялась её сущность, приводя меня в изумление и вызывая уважение.

Впервые это произошло ещё в Сибири. Мне было 7 лет. Папу из-за обострения язвы, приобретённой в войну, положили в больницу в г. Алдане – километрах в 20 от нашего рудника.

В ближайшее воскресенье мы с мамой, укутавшись, ибо дело было зимой, отправились его навестить, провели в палате целый день и опоздали на последний автобус. Следующий должен был отправиться только наутро, но тогда мама опоздала бы на работу. В будни можно было бы надеяться на попутку, грузовики сновали между рудником и Алданом круглосуточно... Мы начали замерзать и мама приняла решение идти пешком, а там авось какой-нибудь транспорт догонит. И мы двинулись. Меня мама заставляла бежать, чтобы не заоченела, а сама степенно шагала следом. Я бежала и оглядывалась. Когда мама становилась едва заметной, я со всех ног устремлялась к ней, налетала, обнимала, она тормошила меня, поправляла шали и шарфики, давала отдышаться и снова командовала: «Бегом марш!» Стемнело. Но полной темноты не наступило, снега вокруг почти светились – было полнолуние. Во время одного из забегов в придорожной канаве я увидела человеческое тело, закричала. Мама мгновенно подлетела ко мне. Она наклонилась, перевернула человека на спину, сняла варежку и приложила пальцы к его шее: «Живой». Мы узнали его – с нашего рудника человек, пьяный в дым... Я смотрела на мамино лицо и понимала, о чём она думает: оставлять его нельзя – неминуемо погибнет. Тащить его нам не под силу – здоровенный дядька. Разбудить? И очутиться вдвоём с дочкой лицом к лицу с пьяным мужиком? Что ему в голову взбредёт?..

Мама растолкала спящего, растёрла ему варежкой лицо и уши. Он узнал нас, заизвинялся, стал что-то косноязычно рассказывать. У мамы прорезался «командирский» голос. Она уже нам с ним двоим командовала: «Бегом марш!», и сама бежала следом, чтобы мы ни на секунду не выпали из поля зрения.

Пьянчуга оказался чрезвычайно резв: даже на подгибающихся ногах, шатаясь и зигзагами, он далеко отрывался от меня и залегал в канаву отдохнуть. Мы с мамой финишировали у его тела почти одновременно.

Мама командовала: «Подъём!», он не слушался, и она начинала его чехвостить: «Гадский род! Паразитское отродье! Вставай! Вставай, тебе говорят! Паралик тебя расшиби!» и поднимала его за шиворот.

Так повторялось много раз. Почти у самого рудника под утро нас догнала какая-то машина...

Мама разрешила мне не ходить в школу, а сама, разумеется, отправилась на работу, вечером проспавшийся мужик приходил благодарить маму – жизнь спасла.

Второй раз мама удивила меня, когда я сдала вступительные экзамены в институт и узнала, что принята. Через несколько дней мама, улучив

(или специально организовав) момент, когда мы с ней были одни в квартире, позвала меня на кухню и отчаянным жестом поставила на стол бутылку водки и две рюмки. Я вытаращила глаза. Трезвенников в нашей семье не было, в праздники доводилось наблюдать родителей под хмельком в компаниях – в нашем доме или у знакомых, Бориска несколько раз являлся домой прилично поддатым, я уже знала вкус вина. Но выпивать в отсутствие гостей – абсурд. Мама явно сошла с ума! Это же алкоголизм! Мама просекла мои мысли. Она отдала команду выпить, чокнула своей рюмкой мою и лихо выпила сама...

Я попыталась припомнить Борискины инструкции, как нужно пить водку, а как неразбавленный спирт. Перед водкой нужно выдохнуть, а, опрокинув рюмку, вдохнуть. При поглощении спирта – обратная последовательность... Но память работала слабо, я никак не могла сориентироваться, когда нужно вдыхать, когда выдыхать и выцедила рюмку маленькими ликёрными глоточками. Мама одобрительно взглянула на послушную дочь, подсунула кусок чего-то вкусного, и, налив по второй, соизволила объясниться. Смысл был такой: вот, я уже большая, обязательно придётся бывать в компаниях с друзьями-студентами, там, скорее всего, будет выпивка, я должна научиться владеть собой и контролировать себя, даже изрядно выпив. «Ты должна знать себя. Какая ты будешь после одной рюмки, после двух и трёх. Знаешь, как девушки в беду попадают, если пить не умеют? Пей давай!»

И мы с мамой по рюмочке, по рюмочке опустошили сосуд, старательно контролируя своё состояние на каждом этапе. Вернувшись папу и Бориску мы встретили весело...

... А ведь права была крестьяночка моя, здорово пригодилась мне её выучка. И девушек, попадавших в крутые передраги из-за неумения пить, встречать приходилось...

Последний мамин подвиг: когда родилась Тошка, мама, уже совсем пожилая, целый год еженедельно приезжала ко мне из Подольска, таща две-три сумки, набитые продуктами.

Главное же в этих поездках – не продукты, а то, что раз в неделю я могла немного отдохнуть, разгрузиться психологически, куда-то отлучиться, заняться собой или просто выпасться, снималось напряжение ответственности за детку.

... Мама умерла, держа Борькину руку, меня рядом не было.